

"ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ" В ПОЛЕ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ СОЦИОАНАЛИЗА

ЦЫГАНКОВ Даниил Борисович - кандидат социологических наук, кафедра общей социологии факультета социологии С.-Петербургского государственного университета.

Особенности исторического развития России двух истекших веков поставили на исключительное место в обществе таких деятелей культурного производства как писатели и публицисты: за ними закрепилось наименование "властители дум". При обращении к литературному полю СССР - России второй половины XX в. взгляд останавливается на фигуре Александра Исаевича Солженицына - одного из немногих, имевшего достаточные символические ресурсы, чтобы позиционироваться в этой типичной для России роли.

Литература о Солженицыне безбрежна. Его воззрения и общественная деятельность как писателя, политика, духовного лидера подвергались анализу.

Но при всей известности Солженицына представления о нем социологически нерелевантны, поскольку в них, как правило, смешивались специфические литературные и политические практики Солженицына, что вело к метафорическому, журналистскому или идеологизированному описанию. Так бывает всегда, когда предмет "знаком" всем и термины его анализа уже существуют. Это и вводило в заблуждение исследователей, бившихся над разрешением оппозиции "художник" — "общественный деятель" и приходившим (в зависимости от баланса симпатий/антипатий) к выводам типа "великий писатель, но в политике смешон", "он не писатель, а публицист", "публицистика его забудется, а великие романы останутся", "партийная публицистика погубила в нем талант писателя" или "он писатель исключительно политический и исторический".

Предпосылающее восприятие Солженицына, сложившееся в общественном сознании, преодолимо на основе социоанализа Пьера Бурдьё, который позволяет раскрыть взаимодействие поля политики и литературного поля, проанализировать конфигурации, при которых выходец из поля культурного производства способен воздействовать на социальное пространство. Социоанализ позволяет избежать двоения толкований, семантических ловушек обыденного употребления. Предполагая, что читатель знаком с терминологией Бурдьё, я не оговариваю ее специально [1].

Социальная траектория Александра Солженицына неотделима от его происхождения. Дед был владельцем обширной "экономии" на Кубани. После революции семья осталась без средств к существованию и попала в доминируемое положение "лишенцев". Отец писателя, офицер царской армии (до середины 30-х этот факт был равнозначным как минимум неблагонадежности), погиб в 1918 г. Мать старалась воспитывать Александра в православной вере. Школьное воспитание явилось серьезной трансформацией семейных схем восприятия и оценивания: Солженицын начал симпатизировать новому строю, проникаться марксистской идеологией. Несмотря на фантастическую работоспособность, культурный капитал его был ограничен провинциальной средой (до 1941 г. он жил в Ростове-на-Дону).

Первичный солженицынский габитус характеризовался рядом свойств, сохранившихся в дальнейшем - ориентация на доминирование и публичный успех, вера в собственную правоту, гибкость тактик, умение маскироваться, сочетание консерватизма и бунта. Недостаточность первоначального культурного капитала Солженицына связана и с позицией, в которую он был определен фактом своего рождения и

состоянием социального пространства, в котором доминирующие агенты (большевики) проводили совершенно сознательную стратегию на закрытость, ограничение к точной информации об обществе. Все, кто замечался коммунистическим режимом в желании выбиться из среднекультурного уровня, подлежал депортации из социального пространства, а вслед за этим - и из физического. Для Солженицына такая жизнь "на краях" - бедность, репрессии, война, лагерь, уход жены, рак, борьба с "коммунистическим Драконом", покушение КГБ - только воспроизводила привычку распространять свой жизненный опыт на мрачные прогнозы (в 70-е - угроза практически неизбежной победы коммунизма во всем мире, в 90-е - предвещательное состояние России).

Лагерный опыт привел к наиболее значительным изменениям сложившегося габитуса Солженицына - избавлению от коммунистических воззрений. Одновременно он освоил неразборчивость в средствах, психологию упреждающего удара, жесткость, отношение к людям, зачастую как к средству для достижения целей (пусть и сверхличных).

После освобождения Солженицын, не рассчитывая на прижизненное опубликование, писал в подполье, маскируясь работой учителя. Со временем эта стратегия пришла в противоречие с изменениями в социальном пространстве после XX съезда КПСС, в том числе - с увеличением автономии литературного поля, в котором разгорелась символическая борьба за доминирование между догматической и либеральной фракциями, ориентирующимися на гетерономный и автономный принципы иерархизации (литературное поле - место перманентной борьбы этих двух принципов - гетерономного, на который ориентируются те, кто предоставляет символические услуги господствующим, и автономного - завоеванного и защищаемого от господствующих роли свободных и критических мыслителей, интеллектуалов, пользующихся своим специфическим капиталом для вторжения на территорию политики). Наконец, появилась публика, в силу запросов готовая поддержать инновативные стратегии. Чтобы инновация имела успех, внутри поля должна быть "дыра" — свободное место, могущее служить альтернативой господствующему дискурсу. Напряженная атмосфера ожиданий, поисков и отторжения официоза породила Самиздат - "списки" и магнитофонные ленты; частично подпольная литература находила выход на Запад.

После XXII съезда КПСС (1961 г.) Солженицын рискнул "обнаружиться" и передал один из рассказов ("Один день Ивана Денисовича") главному редактору "Нового мира" А.Т. Твардовскому, лидеру либеральной фракции. Публикации рассказа (и последующему эффекту) способствовала практически невероятная констелляция как социальных факторов и конфигураций полей, так и принятых стратегий и габитусов задействованных агентов. Во-первых, ситуация в поле власти: Хрущев, натолкнувшись на сопротивление аппарата, готовил дальнейшую автономизацию полей культурного производства, чтобы мобилизовать интеллектуальные ресурсы для десталинизации. Во-вторых, решимость Твардовского продвинуть назревшую тему через свой журнал и тем самым поднять его престиж в литературном поле. В-третьих, стратегия Солженицына, направленная на активизацию бессознательного в гомологичных габитусах доминирующих агентов, привела к успеху: "верхний мужик" Твардовский и "верховой мужик" Хрущев по достоинству оценили жизнестойкость Шухова, который выжил при всех социальных катаклизмах, стараясь не поступать против совести. Кроме того, рассказ не выпячивал 1937-38 гг.

Публикация рассказа в ноябрьском (1962 г.) номере "Нового мира", восторженная реакция влиятельных критиков и широчайшее признание публики, поддержка Хрущева продвинули Солженицына в число доминирующих агентов литературного поля СССР. Либеральная фракция сделала его знаменем и развернула борьбу за символическое исключение оппонентов-догматиков из литературного процесса. Поначалу ошеломленная, через несколько месяцев консервативная фракция во главе с журналом "Октябрь" перешла в контрнаступление, воспользовавшись переменами в поле

власти, застопорившими процесс автономизации литературного поля. Контролируя большее число периодических изданий, консерваторы заполнили информационное пространство возрастающим месяц от месяца количеством антисолженицынских публикаций. К концу 1963 г. стало ясно, что от борьбы за преобладание либеральная фракция вынуждена переходить к защите позиций. "Новый мир" выдвинул "Один день Ивана Денисовича" на Ленинскую премию по литературе, мобилизуя для победы все свои интеллектуальные и аппаратные возможности, апеллируя и к публике, и к Хрущеву. Поражение в борьбе за премию (апрель 1964) и падение Хрущева (октябрь 1964) отбросили Солженицына на доминируемые позиции - его прекратили печатать, его имя исчезло из газетных публикаций.

К осени 1965 г. из поля власти выделилось поле политики (поле политики есть пространство борьбы за овладение универсальным метакapиталом государства, способным реконверсироваться в любой другой вид структур господства, дающих власть и влияние). Впервые после 20-х гг. правящим фракциям в системе власти СССР (партии, государственной безопасности и армии) противопоставили себя оппозиционеры (диссиденты), находившиеся вне этой системы. Начало диссидентского движения принято связывать с сентябрем 1965, с арестом писателей Ю. Даниэля и А. Синявского, издавших на Западе свои произведения, хотя элементы инакомыслия существовали и до того. После их ареста по самиздатским каналам, через которые до этого "шли" Мандельштам, Пастернак и литературные сборники, был распространен текст так называемого "Гражданского обращения". Оно требовало гласного судебного разбирательства, призывало к проведению 5 декабря (День Конституции) "митинга гласности" на Пушкинской площади в Москве. Тем самым оппозиция вступила в борьбу за обладание метакapиталом государства: она начала подрывать монополию производства и распространение системы легитимной социальной дифференциации, напрямую связанной с мобилизацией групп.

Это рождение поля политики произошло вследствие действий государства. "Комсомольская" фракция "коллективного руководства" во главе с А.Н. Шелепиным начала аппаратное наступление. Программа Шелепина включала предложение установить более жесткий контроль за работой творческой интеллигенции, равносильное уничтожению завоеванной при Хрущеве некоторой автономии поля культурного производства.

Во время обысков и арестов госбезопасности (ее возглавлял шелепинец Семичастный) удалось захватить архив Солженицына (сентябрь 1965), что окончательно лишило его шансов на позитивное инкорпорирование в легальные структуры коммунистического режима и влияние на них изнутри. Солженицын должен был найти путь реконверсии своего культурного и символического капитала. Нужно было также найти поле, где обменный курс капитала был бы наиболее для него выгоден. Остаться ли в литературном поле, или двинуться в формирующееся на глазах поле политики - такова была альтернатива. Солженицын вспоминает, как он "бился и вился в поисках: что еще? что еще мне предпринять против наглого когтя врагов, так глубоко впившегося в мой роман, в мой архив? Судебный протест был бы безнадежен. Напрашивался протест общественный" [2, с. 149]. "Напрашивался протест общественный" - эти три слова знаменуют сознательную стратегию реконверсии из поля литературы в поле политики; в поле литературы апелляция к "непосвященным" нелегитимна.

Поворотным пунктом стало "Письмо IV съезду писателей СССР". Примененный в нем стиль проповеди принес писателю оглушительный успех. Публика была готова к вступлению художника на общественное поприще, это было в духе времени, характеризовавшегося взлетом гражданской активности. Получившее широкий резонанс на Западе письмо привело Солженицына к осознанию новой тактики - публичной борьбы с использованием заграничных масс-медиа против коммунистического строя. Важно, что на Западе влиятельные леволиберальные круги восприняли его (до появления в 1974 г. "Письма вождям Советского Союза") как сторонника социализма

и критика сталинизма и потому сделали ему всемирное publicity и поддерживали при всех гонениях. Но западные "левые" поддерживали Солженицына не только за рассуждения Шулубина о нравственном социализме в "Раковом корпусе", как считает сам писатель. Здесь глубинная гомология - бессознательного бунтарства, нежелания подчиняться насилию, подчиняться власти, кладущей предел свободе (недаром Солженицын вдохновенно воспел в "Архипелаге" бунт кенгирских каторжников, начавшийся террором против сексотов).

Ответ Солженицына на исключение из Союза писателей в ноябре 1969 г. ("Открытое письмо Секретариату СП РСФСР") нес уже черты политической коммуникации: обращаясь формально к писателям, он открыто ставил под сомнение коммунистическую идеологию. Солженицын верно оценивал тенденцию социальной динамики: Россия стояла перед необходимостью модернизации, и "оттепель" ее уже начала. Если ранее против гонений на Солженицына протестовали лишь коллеги-писатели, теперь поддержка пришла и от диссидентов, признавших его "своим".

Чем был для Солженицына исход в политику? Вообще говоря, реконверсия в другое поле означает для агента, что он позиционируется в нем и встречается с новыми практиками, как застывшими, так и дрящимися в настоящий момент. Он подвергается влиянию новых структур, теперь - непосредственно. Более того, "конкурентная борьба в поле политики принуждает агентов (в первую очередь - доминируемых) в поисках наиболее эффективных инвестиций своих капиталов участвовать в новых политических отношениях..." [3, с. 85-86]. Поэтому требуется хотя бы беглая "археология" как структуры власти в СССР, так и возникшей в 60-е годы оппозиции.

Изменения в советском обществе касались не природы власти, а взаимоотношений между центрами силы (партия, государственная безопасность и армия) в системе власти. При Сталине ключевую роль играла госбезопасность; партаппаратчик Хрущев, объединившись с армией, сумел низвести ее до подчиненной роли. Затем - отставкой Жукова - ему удалось вывести из игры и генералитет. Начатое Хрущевым наступление на партаппарат (десталинизация, ослабление партийного контроля над культурным производством, разделение парткомов на промышленные и сельскохозяйственные) привели к его падению, в подготовке которого объединились аппарат, армия и КГБ. К началу 70-х министр обороны и председатель КГБ заняли места в Политбюро. Возрожденный под руководством Андропова КГБ стал активно бороться с инакомыслящими. Все же, к 70-м гг. монолит власти разрыхлился. Несмотря на внешнюю пропаганду ведущей роли партии, существовало троевластие, пронизанное существенными противоречиями.

Оппозиция (диссидентское движение) к концу 60-х обрела три направления (не считая религиозных и национальных группировок): сторонники демократического социализма (лидеры - братья Медведевы), правозащитное или западническое (Якир, Сахаров), русское патриотическое (Огурцов, Осипов). Солженицын поначалу поставил себя так, что его поддержали все направления, видевшие в нем "властителя дум". Солженицын действовал с математической выверенностью каждого слова и шага. Он находил надлежащее место и безошибочное время, чтобы что-то сказать или сделать, выступал по ключевым проблемам, вокруг которых шла символическая и политическая борьба: психиатрическое преследование инакомыслящих, угнетенное состояние церкви, цензура, милицейская прописка, экологическая опасность и др.; но в бой всегда вступал по своему выбору, рассчитывая, что и в какой последовательности заявлять или публиковать.

8 октября 1970 г. Солженицын взлетел на пик влияния в мировом культурном производстве, получив Нобелевскую премию "за нравственную силу, с которой он продолжил традицию русской литературы". Нобелевская эпопея и написание "Красного колеса" лишь внешне не относились к повседневной борьбе в поле политики за символический порядок. Для Солженицына они были источниками ресурсов, которые можно конвертировать в капитал политический.

В промежутках между узлами "Красного колеса" Солженицын делал шаги, которые можно определенно отнести к практикам лидера оппозиционной партии. Он обдумывал подготовку самиздатского "журнала общественных запросов и литературы" - с открытыми именами авторов; переправил на Запад недостающие там копии своих произведений и завещание, скрепленное несомненной подписью Генриха Белля. Анализ текста завещания говорит, что Солженицын по-прежнему готов был пожертвовать жизнью в случае необходимости. Серия публикаций начинается: в случае смерти, бесследного исчезновения "с глаз русской общественности" или ареста писателя "никакое в этом случае мое письменное или устное возражение из тюрьмы или иного состояния неволи не отменяет, не изменяет в данном завещании ни пункта, ни слова" [2, с. 293].

Похороны Твардовского в декабре 1971 г. открыли общественности нового Солженицына - публичного деятеля, использующего любые возможности для осуществления политического ритуала. Солженицын отказался от приглашения Лакшина проститься в кругу близких в небольшом кунцевском морге, а приехал на церемонию в ЦДЛ; подойдя к гробу Твардовского, он под блицами фотокорреспондентов торжественно совершил крестное знамение над покойным. Два года назад он отказался принять участие в публичном прощании с К. Чуковским [4, с. 170].

Весной 1972 г. Солженицын обратился с программным заявлением в новое поле - поле религии. Сам учительный тон "Великопостного письма Патриарху Пимену" говорит о том, что Солженицын осознал свою новую идентичность в поле политики — право призывать и символически мобилизовывать и был готов реализовывать специфические практики, пользуясь все возрастающим объемом капитала. Пожалуй, это письмо было рубежом, который фиксировал видимый вход Солженицына в поле политики в качестве, которое ему казалось наиболее подходящим: духовного лидера, пророка, властителя дум... Но он недооценил, что возникшее поле политики не предусматривало подобной позиции, а ждало лидера оппозиции, или хотя бы - руководителя одной из фракций. Однако в 1972 г. еще ничего не было ясно. Теряется поддержка атеистической интеллигенции? Но это и есть политика, когда можно выделить друзей и врагов, оппонентов и временных союзников. Пока существовала "слитная" поддержка Солженицына обществом, это означало, что его диспозиции неясны. Наконец, можно создать позицию, развернув специфические практики и правила игры.

Политбюро также зафиксировало обретение Солженицыным позиции в поле политики. Приняв постановление "О Якире и Солженицыне" [5, с. 217], оно поставило писателя рядом с лидером диссидентов (лидерство Сахарова в западной фракции придет позже). Анализ материалов ЦК касательно "дела Солженицына" показывает динамику "входа" Солженицына в политику. За 1965-1974 гг. насчитывается 161 документ, из которых 30% составляют документы КГБ (всего - 49) и 8% - отдела культуры ЦК (12). Но 95% документов отдела культуры составлены до ноября 1970 г. (время получения Солженицыным Нобелевской премии), в то время как всего 16 документов госбезопасности относится к тому же периоду. Основной их массив относится к 1970-1974 гг., что означает "признание" этой институцией Солженицына политиком, ибо литераторами КГБ не "занимался".

Лето-осень 1973 г. характеризовалось беспрецедентным напряжением в поле политики СССР, Госбезопасность обрушилась на инакомыслящих. Ей удалось сломить Якира и организовать показательный процесс. Усилилось давление на политзаключенных в лагерях. В конце августа она захватила тайный экземпляр рукописи "Архипелага ГУЛАГ", что вынудило Солженицына на его немедленную публикацию в Париже. Одновременно с серией разоблачительных интервью и пресс-конференций выступил теперь уже несомненный лидер западной фракции Сахаров. Поддержка западных СМИ, деятелей, культуры и политиков превзошла все ожидания. Правящий слой отступил.

Партийная верхушка проигнорировала "Письмо вождям Советского Союза". В нем

Солженицын в сознании своей силы предложил мирный вариант передела сфер влияния: политическая власть остается вождям, культурная самостоятельность по всей стране и хозяйственная инициатива на Северо-Востоке предоставляется солженицынской фракции.

Публикация "Письма" в начале 1974 г. ознаменовала реструктуризацию политических позиций среди диссидентов. Сахаров выступил против "изоляционистского" и "авторитарного" духа письма, а апелляцию к патриотизму отнес к "арсеналу официальной пропаганды" [6]. Социалисты, подобно Л. Копелеву и Р. Медведеву, также были возмущены. Конечно, в такой реакции сказалось и разочарование существенно космополитизированной советской интеллигенции с ее неизжитыми демократическо-социалистическими сантиментами, видевшей в Солженицыне 60-х своего глашатая. То, что Солженицын попытался вступить в диалог с вождями, сахаровскую фракцию не могло покоробить (они и сами так действовали); пугало то, что солженицынский проект передела власти практически исключал западников из нее, оставлял на доминируемой позиции. Солженицын оскорбил их категории мышления и оценивания, усомнился в их символических практиках - право на эмиграцию из России, право на ни чем не стесненное самовыражение. Угроза специфическим интересам подвигнет тех, кто еще недавно видел в Солженицыне "властителя дум", развернуть впоследствии против него кампанию фальсификации и травли.

До тех пор Солженицына если и критиковали, то "справа" - стоит обратить внимание на самиздатское "письмо Ивана Самолвина", датированное ноябрем 1971 г., обвинившее Солженицына в игнорировании еврейского вопроса в судьбах России XX в. А в самиздатском сборнике (1974) "Август 14-го" читают на родине" наиболее резкая критика представлена статьями самиздатского журнала "Вече" - за "германофильство" и западничество "в самом мещанском смысле этого слова". Но именно к "правым" Солженицын в конце концов и прислушается, разругавшись с прежним окружением вплоть до публичной полемики. Например, в "Октябре 16" будет дана резкая критика дореволюционного кадетизма и российского освободительного движения в целом (Солженицын откажет ему в наименовании "либеральное", характеризуя как "радикальное", и даже - "революционно-демократическое"). Со своей стороны, русское крыло за единичными исключениями (Г. Шиманов, Д. Панин) признало "Письмо" своей программой.

Выход "Архипелага" (декабрь 1973) подвинул поле власти на решительные меры: стало очевидно, что Солженицын устанавливает все новые и новые уровни смелости, и даже готов вести борьбу за уничтожение социального строя. В публичной полемике тех месяцев Солженицын, поднявшийся во весь рост и говорящий во весь голос, - возможно, впервые отчетливо показал, что ему, в отличие от правозащитников, не нужно, чтобы государство соблюдало советские законы, гораздо важнее, чтобы это государство рухнуло (и никакие соображения о необходимости эволюции из "письма вождям" не могли сгладить глубинный разрушительный запал коммуникации). В этом смысле творец сегодняшней России - именно Солженицын. Любопытно мнение тогдашнего премьера А.Н. Косыгина, оценившего ситуацию наиболее адекватно: Солженицын - это пришедший в политику "властитель дум"; "несколько лет Солженицын пытается хозяйничать в умах нашего народа" [5, с. 359].

Высылка Солженицына в феврале 1974 г. дала ему возможность принять личное участие в "большой" политике - уже не только как писателю, но и как производителю политических схем. Главы "Архипелага" передавали зарубежные радиостанции, работающие на Советский Союз. Эти передачи глушили, но все-таки миллионы людей в короткий срок ознакомились с книгой. Резонанс от солженицынских выступлений был связан не только с его текстовыми стратегиями, вдохновлявшимися культурным наследием славянофилов и русских религиозных философов, но и положением в полях власти ведущих западных стран.

С одной стороны, "анти-детант" в исполнении Солженицына противоречил схемам восприятия либеральных кругов, которым до того было достаточно ясно: Солже-

ницын идеологически и по своим настроениям был один из них. Убеждение это держалось недолго - перед ними предстал другой Солженицын, идейный сторонник авторитаризма, не верящий в демократию. Консерваторы предприняли ряд шагов в противовес. Правый республиканец, сенатор Джесси Хелмс внес резолюцию в Сенат США о присвоении Солженицыну почетного гражданства и добился успеха. Если вспомнить, что до сей поры лишь два человека в истории Соединенных Штатов - оба союзники в тяжелейших войнах, маркиз де Лафайет и У. Черчилль были удостоены такой чести, это голосование имело символическое значение (правда, под давлением либералов нижняя палата конгресса дважды голосовала против).

Почему американские политики проявили беспрецедентный интерес к взглядам писателя? Изгнание Солженицына из СССР пришлось на критический момент американской жизни. Драма Вьетнама подходила к концу. Уотергейт был в разгаре. Политика Киссенджера-Никсона разрядки с Советским Союзом была под непрерывным огнем конгрессменов. Солженицын прибыл на Запад во время нового сплочения сил против "советской угрозы". Появление в такой ситуации недавнего Нобелевского лауреата, прославленного дуэлью с коммунистической властью, привлекло внимание влиятельных американцев - и тех, кто хотел торпедировать разрядку, и тех, кто делал ударной темой прав человека. Призывы Солженицына: поддерживать подсоветские народы против правительств, помогать странам, ставшим объектами коммунистической агрессии, перестать давать займы и продавать передовые технологии советскому блоку, принять меры против нарастающей военной мощи Варшавского Договора, - упали на благодатную почву. Аналогичную стратегию Запад, прежде всего - США, адаптировал в 80-е, вынудив СССР к реформам внутри и отказу от идеи мировой гегемонии вовне. Именно в середине 70-х в международной политике начались процессы, результаты которых проявятся в следующем десятилетии.

На праймериз республиканской партии к президентским выборам 1976 г. вызов президенту Форду бросил консервативный губернатор Калифорнии Р. Рейган, обвинивший Форда, в частности, в отказе встретиться с Солженицыным в Белом Доме. На съезде в Канзасе в августе, когда Форд был номинирован от республиканцев, сторонники Рейгана предлагали внести в партийную платформу предостережения Солженицына, но Форд отказался. Внешнеполитическая стратегия рейгановской администрации была направлена против ядра советской системы и содержала в себе финансовую и материально-техническую поддержку "Солидарности", военную помощь и разведывательную информацию для афганских моджахедов, запрет на экспорт технологий в страны советского блока, препятствия на пути строительства газопровода в Европу и т.д. Очевидно, между призывами писателя, которые Рейгану не удалось включить в республиканскую программу в 1976 г., и практикой последнего на посту президента США в подавляющем числе моментов очевидна гомология.

В Великобритании в апреле 1975 г. Маргарет Тэтчер была избрана лидером партии тори. Консерваторы, только что потерпевшие чувствительное поражение на выборах в парламент, доверили будущей "железной леди" бразды руководства. Год 1979 - Тэтчер побеждает; идя на выборы, она цитирует Солженицына.

В Западной Германии на выборах в бундестаг (1976) от консервативной коалиции на пост канцлера баллотировался новый лидер христианских демократов Гельмут Коль, но потерпел поражение. В 1982 г. фракция свободных демократов во главе с Д. Геншером вышла из коалиционного - с социал-демократами - правительства. Новый кабинет сформировал Коль. Он решительно поддержал размещение ракет "Першинг-2" в ФРГ как противовес советским ракетам средней дальности "СС-20", установленным в 70-е годы под покровом детанта. Наконец, в 1978 г. польский кардинал Войтыла был избран Папой Римским, что добавляет символической мощи антикоммунистическим силам.

Несмотря на утрату возможностей воздействия на массовое общественное мнение,

глубинное влияние солженицынских идей распространилось по всему спектру политической мысли Запада. Левые французские философы, вчерашние бунтари, стали называть себя "детьми "Архипелага ГУЛАГ". Молодые консервативные либералы США и Великобритании почерпнули многое для своих внешнеполитических программ. Директором русской службы радиостанции "Свободы" стал Д. Бейли, член редколлегии просолженицынского "Континента", перестроивший в 1982-84 гг. ее работу в соответствии с предложениями, высказанными Солженицыным в письме президенту Рейгану.

Отход Солженицына от активной деятельности в 1983 г. следует трактовать как "маневр умолчания", связанный с необходимостью разработать стратегию, тактику и определить новую позицию в поле политики, которая позволила бы эффективно бороться за доминирование в посткоммунистической России. Солженицыну стало ясно, что его символический капитал "властителя дум" нуждается в серьезной подпитке, поскольку почти все прежние сторонники отказались признать его в таком качестве. Для нового позиционирования ему необходима была поддержка иных социальных групп и политических фракций. В качестве новой текстовой стратегии выступила многотомная эпопея "Красное Колесо". В ней история преподносится не только для сведения счетов с настоящим; узлы "повествования в отмеренных сроках" должны были мобилизовать новое поколение на исполнение программ грядущей России, интегрированной вокруг идеала России ушедшей.

В 1990 г., после возвращения ему гражданства, Солженицын направил в Россию для публикации манифест "Как нам обустроить Россию", которого с напряжением ждали политические силы страны. На чьи веса положит Солженицын свой безусловный авторитет? Для человека, желающего заниматься политикой, то был уникальный шанс и уникальная аудитория, чтобы осуществить классификации и символические размежевания. Но статья оказалась выжимкой из "Красного колеса", еще одной программой с апелляцией к истории, что было не ново в обществе гласности. Исторические положения Солженицына не являются выверенными математическими формулами, действенными сами по себе. Солженицын бессознательно перенес полемический прием борьбы с коммунистическим строем, когда ему верили безоговорочно, в новое состояние поля, где уже нет монополии на производство истины и господствует плюралистическая модель. Солженицын реализовывал в культуре репрессированные возможности метафизики - один из возможных способов зрения, утраченных за годы господства коммунистической идеологии - для критики ее самой. Но крушение коммунистической идеологии имеет среди последствий и "Конец идеологии" как таковой. Господствующее ныне в поле политики коммуникативное поведение имеет другой ритм, нежели застывшая ("архаичная") коммуникация писателя.

1991 год подвел итог почти что двадцатилетней символической борьбе в интеллектуальном поле России между сахаровской фракцией и Солженицыным. Россия уверенно пошла по пути западного типа модернизации. Возможно, это заставило Солженицына отложить возвращение и выжидать, когда оппоненты, наделав ошибок, освободят пространство для его легитимного символического влияния.

В 1992-93 гг. Солженицын выжидал, изредка появляясь (заявлениями, обращениями и публикацией фрагментов переписки) на политической авансцене. Выборы в Государственную Думу (декабрь 1993 г.) принесли успех ЛДПР. Тут Солженицын решил, что с радикально-демократическими иллюзиями покончено - страна готова к проповеди умеренного патриотизма. В мае 1994 г. "пророк России" возвратился на Родину - через Сибирь. Обстановка возвращения напоминала предвыборные поездки американских президентов. Агентства новостей доносили пульсирующий выступлениями, заявлениями, пресс-конференциями путь Солженицына от Владивостока - на Москву! Однако Солженицын отказался от принятия идентичности "лидера русской партии", считая, что на общественные дела можно влиять по-прежнему в качестве "властителя дум". 24 июля ведущий "Итогов" Е. Киселев напрямую задал вопрос,

который держали в голове все политики, ожидавшие от Солженицына вмешательства: "...ведь все-таки вы, нравится это или не нравится, быть может, единственный духовный авторитет в России, являющийся общепризнанным для народа. И ваше слово приобретает в этом смысле особый вес. (...) Не кажется ли вам, что вы все равно невольно становитесь участником политической борьбы?" [7. С. 20]. Солженицын ответил, что будет заниматься общественной деятельностью, но не политикой.

Когда Солженицын осуществлял свой исход в поле политики, он не оценил, что в этом поле позиции "властитель дум" нет. Можно быть руководителем фракции, вождем партии, короче - агентом поля политики, но нельзя сохранить идентичность, присущую полю литературы, в позиции, отнесенной к полю политики, хотя бы эти позиции и были гомологичны. Интервенция Солженицына из поля литературы в поле политики зашла столь далеко, что следующим естественным шагом должно было стать позиционирование там со всеми вытекающими последствиями: интериоризацией правил политической игры (нельзя доверять только чувству игры), проведением повседневной политической работы - выпуск газеты, регулярные пресс-конференции, сплочение сторонников, управление фракциями своей партии и т.п. Солженицын связывает культурная традиция-России XIX в., когда можно было позиционироваться сразу в двух полях. Сейчас возросшая дифференциация систем вынуждает агентов специализироваться, а не свободно "парить".

Это отчетливо проявилось осенью 1994 г., когда Солженицын получил время на первом канале в лучшие часы (prime time). В течение года он говорил о профсоюзах, школе, о русской истории, казачестве, выборах, о земстве. Говорил, как и многие другие, а оппозиция выступала последовательнее, громче, а зачастую - и ярче. Рейтинг передачи упал. В этих речах не было прежнего Солженицына, раскрывавшего сущность отношений, мифологизированных доминирующим классом, вытягивавшего на свет вытесненное и репрессированное. С другой стороны, влиятельные агенты поля власти не заинтересованы сейчас в поддержке социальной рефлексии и критики действительности — для них эпоха больших перемен завершилась; символические революции ни к чему. Ими блокируется любая солженицынская коммуникация, в том числе направленная на защиту ценностей гражданского общества - развитие местного самоуправления и обеспечение доступа к образованию.

Наконец, куда инвестировал Солженицын свой символический капитал в поле политики? В Российское земское движение в большинстве состоящее из политиков второй-третьей шеренги; исключения - орловский губернатор Е.С. Строев и кинорежиссер Н.С. Михалков. Но они весной 1995 г. ушли в движение "Наш дом - Россия". Единственным политическим успехом Солженицына стала победа на выборах губернатора Тверской области В. Платова, выдвинувшего земскую программу и использовавшего в агитации открытое письмо Солженицына ("Труд", 8.12.95) ему.

После закрытия телепередачи на ОРТ Солженицын время от времени выходил из затишья. В апреле 1996 г. он фактически призвал голосовать против обоих фаворитов президентской гонки. В ноябре 1996 вернулся к тактике, принесшей успех в 60-70-е (публикации текстов на Западе): статья "К нынешнему состоянию России" в парижской "Монд". Этот же прием он повторяет летом 1997 г. - статья "Лицемерие в XX столетии" для японской "Иомиури".

Можно ли с уверенностью сказать, что "дело Солженицына" завершено? Видимо, нет. Пока возможности метафизики не реализованы полностью, а схемы восприятия и оценивания русских ориентированы на поиск корневой метафоры ("смысла жизни"), до тех пор в случае надлежашего изменения в диспозициях политических агентов Солженицын имеет резервы.

Эффективность воздействия интеллектуала на политику связана с успехом его перехода из поля культурного производства в поле политики. Такой успех приходит при условии увязки следующих факторов. Если его суждения несут новое, разъясняют вытесненное, вскрывают репрессированное и соответствуют темпу и ритму времени.

Если его схемы восприятия и оценивания гибки, чтобы впитать новый опыт для перестройки стратегий. Если его культурный капитал структурирован так, чтобы строить эффективные практики. Если его символический капитал, накопленный в другом поле, имеет высокий обменный курс в поле политики для превращения в капитал политический, тогда взаимодействие этих факторов может ему помочь осознать и принять идентичность, соответствующую позиции, к которой он стремится. Но главное - состояние полей должно сложиться благоприятно переходу, и прежде всего должны существовать (хотя бы потенциально) группа влиятельных агентов, готовых поддержать новичка, и массы индивидов, чьи интересы ущемлены и которые готовы за ним идти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдье П. Социология политики. М., 1993.
2. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. М., 1990.
3. Кочанов Ю.Л. Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1995.
4. Решетовская Н.А. Отлучение. М., 1994.
5. Кремлевский самосуд: секретные документы Политбюро о Александре Солженицыне / Сост. А.В. Коротков и др. - М., 1994.
6. Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына "Вождям Советского Союза" // Континент. - 1975. - №2.
7. Русская мысль, 28.7. - 3.8.94. С. 20.